

3.1. Капитализм и дифференциация современности

Согласно Энтони Гидденсу (несомненно, подавляющее большинство европоцентристских социологов разделяет его мнение), капитализм впервые возник в Европе. Аналоги нигде и никогда в истории не встречались. Капитализм, о котором идет речь, — это капитализм Амстердама-Голландии и Лондона-Англии, которые в XVI веке стали возвышаться как центры мировой гегемонистской силы. Доля истины отмечается в том, что Амстердам и Лондон, начиная с XVI столетия, действительно приняли на себя функцию гегемонии центра мировой цивилизации. Возможно, имея в виду тот период, когда начало развиваться движение в сторону гегемонии, мировая история обладала богатейшей литературой. В данном случае нет ни возможности, ни необходимости повторения — я довольствуюсь только напоминанием. Частично об этом уже говорилось в других томах. Гораздо большее значение имеет ошибочность и наличие большого количества недостатков.

А

Идея сингулярности капитализма неверна. Я содержательно раскрыл то, что первая финансовая (капиталистическая) монополия получила развитие в храмах шумерских жрецов (зиккураты, возможно, были первыми банками и фабриками). Мы можем совершенно спокойно доказать и то, что триада «городгосударство-класс» именно Шумеру обязана формированием первой гегемонистской монополии. В частности, после знакомства со взглядами на центральную цивилизацию и мировую систему Андре Франка Гюнтера и группы близких ему по взглядам исследователей во мне еще больше укрепилось состояние убежденности в собственных взглядах. Хотелось бы настойчиво подчеркнуть следующее: монополия власти — это разновидность монополии капитала. Я отметил важность осознания того, что это является одним из четырех видов накопления. Первая монополия была создана в земледелии с его возрастающей рентабельностью. В связи с тем, что торговля стала обязательным атрибутом региона, торговая монополия обрела возможность развития. Более того, над ремеслом, базировавшимся в городах и храмах, была установлена монополия, оказавшаяся первой индустриальной монополией. Городское управление превратилось в наиболее мощную монополию власти, наделенную военно-административными функциями, но находящуюся в тесных связях с первой триадой «город-государство-класс». Различие между уровнями возможностей делает необходимым гегемонистские отношения. Сперва была сильна гегемония жрецов, это положение должно было последовательно меняться.

Коротко говоря и монополия, и гегемонистский характер действуют на стадии формирования. В предыдущих томах я постарался в схематическом виде отобразить историческое развитие этого процесса. Более того, очень важное подтверждение, касающееся монополий цивилизации, заключается в том, что, несмотря на все противоречия между ними, против внешней угрозы (против сил демократической цивилизации) они выступают единым фронтом, исторически обладая способностями действовать как звенья одной цепи. Ни одна цивилизация не могла бы возникнуть без наследия предыдущей цивилизации. Я говорю о системе централизованных цивилизации, не о таких, как китайская или цивилизация инков.

Я также постарался рассказать историю формирования европейского звена в цепи цивилизаций. Я особенно подчеркнул роль локомотива, которую более трех веков играла Венеция в установлении связей с Востоком (даже в эпоху неолита). Наиболее важное обстоятельство, о котором можно утверждать в связи с сингулярностью цивилизации, сформировавшейся в Европе после XVI века (в смысле той современности), заключается в более развитом денежно-капиталистическом характере. Несомненно, монополия денег-капитала, начиная с упомянутого столетия, смогла построить в Европе первую гегемонистскую монополию. В этом смысле можно говорить о ее сингулярности и беспрецедентном характере, но совершенно очевидно, что нельзя утверждать о том, что колыбелью денег-капитала является именно этот период европейской истории. Первые предметы, похожие на деньги, появились гораздо раньше цивилизации. Специалисты в области истории древнего мира едины во мнении о том, что впервые сыграли роль денег обсидиан и аналогичные камни. Многие драгоценности и по сей день играют аналогичную роль в примитивных общинах. Наверно, нет никого, кто бы занимался этим вопросом и не знал о том, что первые чеканные золотые монеты появились в правление царя Креза в Лидийском царстве, созданном на восточном побережье Эгейского моря в VII веке до н. э. То же самое можно сказать и о накоплении денег-капитала. Накопление — это очень древняя традиция. В этом смысле на протяжении истории всегда старались копить драгоценности и товары — археологические материалы дают в этом отношении много примеров. Выражение «богатый, как Карун» Крез выражает эту истину. Ничто не может так оригинально и притягательно объяснять использование денег-капитала с целью извлечения прибыли, как ассирийские карумы (имеют общий смысл денег, торговли, склада для рыночной продукции). Есть много городов Востока, которые, за тысячелетия до Венеции, Амстердама и Лондона стали колыбелью денег-капитала.

Переход к стадии сингулярного возвышения в системе денегкапитала Европы заключается в построении первой гегемонии. Карл Маркс считает, что такая гегемония капитала и его воздействие на современность сыграли положительную и передовую роль. Иммануил Валлерстайн сравнивая капитал со львом, вырвавшимся из клетки, считает необходимым особо подчеркнуть его положительную роль. Даже связывая причины со слабостью позиций церкви и монархий, а также с нашествием монголов на Востоке, он как бы признавал то, что ранее наткнулся на массу вопросительных знаков. В итоге он пришел к выводу, что история подошла к точке, оказавшейся не лучшим выбором. Здесь не место для повторного изучения устрашающего баланса четырехвекового господства денег-капитала. Но когда речь идет о количестве людей, погибших или раненых в войнах, количестве и продолжительности самих войн, разрушительных последствиях экономических кризисов, безработице и бедности и,

что особенно важно, об экологическом бедствии, нетрудно понять, перед лицом какой гегемонии мы находимся.

Б

Имеют место ошибочные и недостаточные утверждения о сингулярности современности, основанной на капитализме. Эта идея европоцентристской социологии очень масштабна и охватывает собой все остальное. Существование и ограниченный характер мировой системы не меньше, чем в другие эпохи, воспринимается как конец истории, как последнее слово истины. Более того, ее научная идея придает мировой системе более категоричный характер. Либеральная идеологическая гегемония уже прилагает чрезвычайные усилия и чувствует себя эпохой в эпохе (эпоха медиа и коммуникаций), для того, чтобы при помощи связанных с ней медиа-монополий сделать эту идею общей истиной для всего человечества. Считая значимым представление реальности — как содержания, так и формы, а также ее исторических масштабов, упомянутая система не остановится даже перед строительством футурологии (науки о будущем), оторванной от прошлого и настоящего. Поразительная «сиюминутность»! То есть, выходит, основным является лозунг «живи сегодняшним днем, остальное все пустое». Неолиберализм, сформированный при помощи эклектического мировоззрения из всех старых и новых интеллектуально-идеологических шаблонов, являясь наихудшим из всех зол, напоминает едва ли не агонию конца Римской империи. Формула трех «С», коими являются спорт, секс и синтез искусств, переживает апогей своей идеологизации. Все эти компоненты наделены религиозными масштабами. Сегодня сложно найти религию, которая была бы таким же опиумом, как происходящий на стадионе футбольный праздник. Аналогичные явления наблюдаются и в индустрии искусства. Даже такой основополагающий инстинкт, как половой, превращен в индустрию секса. Одурманивающее влияние секса освящено, по меньшей мере, так же, как в случае со спортом и искусством. Эту «троицу» можно назвать религиозными играми современного капитализма. Еще одной тенденцией современности является религиозный радикализм во имя веры, какой бы антимодернистской она себя ни считала.

Если взглянуть глубже, то станет ясно, что современность с клеймом капитализма является наименее уверенным в себе видом современности. Потребность в таком эклектизме подтверждает эту истину. Даже несмотря на то, что постмодернизм стал продуктом этой неуверенности, он так и не стал альтернативой, всего лишь желая открыть окно для просвещенных кругов, уставших от современности. В силу своего жизненного стиля постмодернизм по горло увяз в современном капитализме. Типичный пример этого можно наблюдать в трудах философа Т. Адорно. Говоря, что «неправильную жизнь правильно не прожить», он в очень лаконичной форме объяснял суть современности. Но Адорно оказался не в состоянии предложить какую-либо альтернативу. Именно поэтому он вызвал серьезное недовольство революционной молодежи. Неолиберализм, в сущности, хотел стать новым покрытием для современности с уже потрескавшимся лаком. Но как бы она ни пыталась присоединять и обновлять, нелегко будет скрыть сам факт противоречия эпохи мировых финансовых монополий и спасти систему. Определяя место и значение европейской культуры для всей цивилизации, длящейся пять тысячелетий, Андре Франк Гюнтер очень близко подошел к истине, но, за исключением нескольких обобщений, не предложил

никаких решений и альтернатив, отсутствие которых, кстати, глубоко ощущал. Точнее, он хранит надежды на это. Формула «единство в разнообразии», будучи верной, в том числе и для классической цивилизации, вместе с тем, является обобщением. Адорно не дает никаких пояснений относительно того, как это должно быть реализовано, и ошибка заключается в том, что он не теряет надежд на возможное наличие внутри системы лучших стилей жизни (теоретически и практически). Иммануил Валлерстайн в этом плане более позитивен и радикален. Он совершенно не верит в решение внутри системы. Неустанно повторяя, что переживаемый кризис имеет системный и структурный характер, он предлагает обеими руками взяться за очень хорошо определенные им интеллектуальные, нравственные и политические функции. Недостаток его заключается в том, что он не может предложить содержательный ответ на вопрос, о какой именно системе идет речь. В этом отношении он прибегает даже к искренней самокритике. Говоря о том, что «все мы испили из священной чаши буржуазии», он, в частности, по этой причине выражает страх перед гневом богов (в фигуральном смысле). Изложенное им позволяет извлечь немало уроков, выражающих связь интеллектуального капитала с современным капитализмом и неминуемости радикального разрыва.

Мое положение может обрести смысл только посредством выражения «в бегстве нет никакой пользы». Я убежал от «современного капитализма». Но этого не хватало для освобождения от его лап. Тогда я посчитал более реалистичным и смелым шагом поиск альтернативы капитализму, нежели смерть в его объятиях. Таким образом я не довольствовался только лишь констатацией истины, как Ницше, не согласился объявить о своей смерти (смерть человечества), как это сделал Мишель Фуко и не стал смиряться с судьбой, как это делал фаталист Адорно, считая, что все происходящее проходит. Я также не захотел уместиться в рамках лозунга «единство в разнообразии», как это делал Андре Франк Гюнтер. Я даже не поверил в достаточность триады интеллектуальных, нравственных (этических) и политических задач, как это делает И. Валлерштайн. Мои поиски, несомненно, впитали в себя значительный вклад и смелость, исходящие от этих интеллектуальных и высокоморальных личностей. Но определяющим оказалось то, что формула «неправильную жизнь правильно не прожить» не могла быть применима ко мне, потому что эти слова означают то, что у меня и вовсе не было никакой жизни. Несмотря на все мои поиски, но ни силы, ни веры моей не хватило для того, чтобы осмыслить современную капиталистическую жизнь. Но еще более поразительным является то, что сказал живущий во мне мятежный человек — не продавай нас, ищи в себе все то, что хочешь найти. Я пишу о своем внутреннем мятеже.

Что можно сделать против современных сил, которые на протяжении почти 5000 лет не оставили ни одной головы и души, где бы ни пустили корни? В течение последних четырех столетий они истерзали общество изнутри и снаружи, превратили все в товар на продажу, все купили и продали, позиционируя себя как силы, которые гораздо выше фараонов и нимродов! Я, несомненно, неправильно ставлю вопрос именно в такой форме. Фактически я ставлю вопрос в стиле, свойственном современности. Моя цель — показать, что все, что кроется за этим вопросом, совершенно ничтожно (в смысле позитивности).

Я не исследую и не изобретаю современную демократию. Если даже у меня есть что сказать по поводу ее реконструкции, не считаю эти мысли столь важными. Точнее, важный аспект

кроется в другой плоскости. Это следующее: демократия в ее современном состоянии была всегда в форме дуализма со времен существования цивилизации. Она существует там и тогда, где и когда формируется цивилизация. То, что я пытаюсь сделать, пусть и схематически, — дать заслуженную оценку этой форме цивилизации, существующей там, где есть официальная цивилизация (название неофициальная демократическая цивилизация не имеет значение), и в основных аспектах сделать определенные пояснения. Я хочу дать некоторые определения демократической цивилизации в комплексе с формами мышления и обществом — как на стадии становления, так и жизнеспособном.

В силу законов диалектики там, куда протянулась рука цивилизации, которой приписывается сингулярность (модернизмы различных эпох), во все времена ее существования возникает ее антипод, и не составляет никакого труда распознать его. Напротив, непонятно то, почему он, находящийся в природной гармонии с диалектическим методом, на протяжении всей истории цивилизации ни разу не нашел своего системного выражения и не был озвучен. Разве у бесчисленных родоплеменных сообществ, религиозных общин, угнетенных и поработанных в Шумере и Египте, Хараппи, Китае, Индии и Риме, перекочевавших из Сахары в пустыни Средней Азии, из Сибири — на Аравийский полуостров, не было никакой реакции, мыслей и социальных образований? Разве можно не размышлять? Разве не подавали никаких признаков реакции, противостояния сельские сообщества, десятки тысяч лет кормившие все цивилизации? Разве это все может как-то укладываться в уме и совести? Разве когда города, возводимые трудящимися народами на протяжении тысячелетий, подвергались всевозможному угнетению и грабежу, люди так и продолжали бессловесно восхвалять свою судьбу, разве это возможно?

Можно задать тысячи вопросов относительно тысячи сфер и периодов. Есть и ответы на эти вопросы. Единственный вопрос, на который нет ответа: почему не удалось построить систему цивилизации, сотканную из этих ответов (архитектура мысли, теория)? Есть структуры, противостоящие этому (позиция нравственного и политического общества). Ясно только одно: интерес, который проявляется к тысяче деспотов, императоров, монополиям власти и капитала, совершенно угасает в отношении положения нравственного и политического общества, являющегося фундаментальным состоянием социальной природы.

В хорошо знакомой нам исламской цивилизации о халифах, султанах, шейхах, шахиншахах, военачальниках сложены повествования со всеми подробностями, но разбросанные по трем континентам мумины, секты и религиозные течения, повстанцы, их тоска и верования не нашли подобающего отражения в историографии или же таковое было сделано с серьезными искажениями. Ясно, что в данном случае проявляется противостояние и дуализм в рамках самой цивилизации. На фоне восхвалений и возвышения одной стороны другая сторона втапывалась в грязь. Я стал свидетелем этого в своей жизни. Я наблюдал за курдами-алевитами, курдами-суннитами, курдами-езидами. Должен откровенно подчеркнуть, что традиции и культуру курдов-алевитов и курдов-езидов, дошедшую до нас из глубины тысячелетий, я считаю более нравственным и политическим обществом, нежели противостоящую им, хотя исторические повествования и предания полны компрометаций в адрес алевитов и езидов. Естественно, в данном случае я не имею в виду искусственно созданный класс трудящихся и родоплеменную культуру. Их место в масштабе всей цивилизации — это демократическая культура. Примеры тому можно продемонстрировать

всегда и везде. Думаю, этого достаточно с точки зрения определения наших целей.

Считаю очень важным освещением еще одного аспекта, имеющего отношение к современности. Понятие «современный капитализм» в каком-то смысле неверно. Необходимо обратить внимание на то, что это понятие использовано мною условно. Если понятие «капиталистическое общество» является двусмысленным и способно завуалировать истину, то понятие «современный капитализм», возможно, таит в себе гораздо больше аналогичной опасности. Современность в общем смысле является стилем жизни определенной эпохи. Она включает в себя все элементы техники, науки, искусства, политики, моды, которые в виде материальной и духовной культуры накладывают отпечаток на целый период истории. В этом смысле было бы серьезной ошибкой современность приписывать капитализму. Более того, многими своими элементами она противостоит капитализму, который в подавляющем большинстве случаев является монополией. Подобно тому, нравственное и политическое общество, являющееся основным стилем существования социальной природы, противостоит цивилизации в целом и капиталистической цивилизации в частности, аналогичная ситуация существует и в современности. Современное общество не является обществом капиталистическим. В таком случае почему я использовал понятие «современный капитализм»? Потому что капиталистическая монополия вместе с ее гегемонистскими союзниками хочет оставить свой отпечаток не только на обществе, но и на современности, считаемой стилем жизни эпохи. Вместе со своими идеологическими, военно-политическими союзниками прилагает массу систематических усилий (в сфере образования, в местах совершения религиозных обрядов и в средствах массовой информации), чтобы показаться едва ли не создателем стиля жизни эпохи. Создается господствующая идеология, пытающаяся присвоить себе то, что ей не принадлежит. Если такого рода пропагандистские усилия имеют успех, то они оставляют свой отпечаток на обществе и современности.

Энтони Гидденс, считая капитализм краеугольным камнем современности, возможно, даже не знает о том, что попал в сети дуализма. Вопрос, который следовало бы задать, заключается в том, кто кого породил или определил. Даже и думать не стоит о том, что именно современность породила капитализм. Он существует как самобытная эпоха социальной природы. Но после формирования монополий гнета и эксплуатации в форме «город-класс-государство» они стараются поставить свою печать на стиле жизни эпохи и приписать его к своим заслугам. Надо признать, что в этой ситуации они добываются успеха. Это успех их пропаганды. Огромная эпоха была отдана нечестивцам. Применяя понятие «современного капитализма», необходимо постоянно иметь в виду эти условия. Но социальная природа никогда полностью не усвоит в качестве собственной идентичности цвет другой монополии. Социальные природы, как самобытности, даже теоретически не могут превратиться в отдел монополии гнета и эксплуатации. Как мы уже доказали, не существует «чистого» капитализма, равно как не может быть и «чистой» цивилизации. Если кто-то станет утверждать, что это возможно, следует задать ему вопросы. Как может существовать триада «город-класс-государство» сама по себе, без угнетаемого, управляемого общества? Как они смогут продолжать свое материальное существование? Но, они оставляют свой отпечаток на социальной природе эпохи, они могут использовать! Когда речь идет о Европе, то мы не можем приписывать капитализму такие достижения, как Ренессанс, Реформация и Просвещение. Те, кому человечество обязано этими явлениями,

никогда не владели ни деньгами, ни капиталом, не обладали властью. Но они всегда старались оставить свой след при помощи силы денег и власти, потому что хорошо понимали ситуацию и знали, что если удастся это, то они добьются еще больших денег и власти.

В противовес этому общество, являющееся объектом посягательства, денег-капитала и власти, может также оставить свой отпечаток на стиле жизни эпохи. Здесь тоже есть масса путей и примеров. Самобытность социальной природы имеет, в основном, ту же тенденцию. Общество в подавляющем своем большинстве обладает антикапиталистическим характером, потому что ежедневно переживает эксплуатацию и воздействие финансовой монополии. Молодежь, женщины, безработные, угнетенные народы, многочисленные религиозные общины, любое сообщество, представители которого живут своим трудом, основная масса исторического общества (демос) — это те самые прослойки, которые обогащают стиль жизни, современность. Демократия — так называется управление лично этими слоями населения. Несмотря на то, что это политический термин, поскольку сфера и слои его охвата представляют собой основную массу общества, демократическое общество, определение современной демократии — это и есть те понятия, которые больше всего соответствуют сути и истине. Именно поэтому частое употребление мной этого выражения должно быть воспринято с пониманием. Говоря об альтернативе современной демократии, я имею в виду эти реалии. В таком случае сингулярный модернизм в стиле Э. Гидденса, а также термин «современность с отпечатком капитализма» очень двусмысленны, с высокой долей негативного потенциала. Колорит этой современности определять идеи противостоящих полюсов, образования, системы борьбы и успехов. Разговоры о том, что современность полностью капиталистическая или демократическая, становятся слепым и грубым принижением. Впрочем, если речь идет об обществе, то надо пользоваться термином «полностью» очень внимательно, потому что социальная природа очень сложна и не может окрашиваться соответственно одним цветом. Не следует забывать о том, что противоречия приносят с собой разнообразие, являющееся смыслом жизни. Прекращение противоречий и, следовательно, разнообразия, означает прекращение жизни. Даже смерть есть нечто иное, как подтверждение жизни. Даже представить себе трудно, насколько ужасающе будет выглядеть субстанция, лишенная смерти, обреченная на бесконечность. Итог может стать страшной пыткой. Постоянные поиски аналогий, не преследующие цель борьбы антагонизмов, означают отрицание жизни. Другими примерами жизненных противоречий является усилия фашизма, современного капитализма, направленные на уничтожение и окрашивание в единый цвет всех социальных различий, за исключением моды (на примере моды можно видеть самое ухищренное искусство, предназначенное для сокрытия того, что с точки зрения борьбы с пыткой уравниловки капитализм противостоит всему обществу).

В итоге, характеризуя столь двусмысленное понятие, как «современность», очень важно сконцентрировать внимание на таких явлениях, как содержание и срок. Сведение всех причин к сингулярности таит в себе массу ошибок. Признание современности актуальностью цивилизации требует внимательных выборов, имеющих социальное содержание. Такого рода недостатки и ошибки социальных наук резко бросаются в глаза. Мы можем объяснить это только при помощи силы денег и угнетения, присущей монополиям финансов и власти, и в данном случае, подобно тому, как наука порождает власть, а власть — финансы, верным является и обратное. В противовес этому социальная природа в лице своей основной массы

является демократичной в эпоху капиталистической гегемонии. Следовательно, нельзя предполагать, что современность, являющаяся стилем жизни эпохи, может остаться в стороне от процесса демократизации. Демократизм современной эпохи, как социальная мощь, многократно выше капиталистов и ренегатов нашего времени. Для осознания этого достаточно правильно мыслить.

Версия #1

Зверобой создал 14 января 2026 16:44:57

Зверобой обновил 14 января 2026 16:45:58